

Сергей
Александрович
СПОЛОХ

Родной край всегда тяжело покидать, особенно если знаешь, что предстоящая разлука может быть долгой. С незапамятных времён на Дону и Северском Донце стала известной песня с такими словами:

«Поехал казак на чужбину далёко
На добром коне, на своём вороном.
Он край – свою Родину навеки покинул,
Ему не вернуться в отеческий дом».

В начале прошлого двадцатого века казакам, проживавшим в станице Гундоровской Области войска Донского, на месте которой возник город Донец Ростовской области, не раз и не два пришлось покидать свои родные места. Слова песни про чужбину далёкую становились по-настоящему актуальными для многих казачьих судеб.

Давно это было, но творчество нашего земляка, краеведа и писателя Сергея Сполоха позволяет нам перенестись в то время.

В этом номере газеты публикуется одна из глав его книги, посвящённая событиям Гражданской войны, когда на донских просторах закончилась основная казачья история. Читайте!

1920 год. Как покидали родную землю казаки

Во многих куренях хутора Швечикова станицы Гундоровской Области войска Донского 1920 год встречали без глав своих семейств. Одни сгнули на полях сражений не так давно закончившейся германской войны, другие погибли в братоубийственной Гражданской, которая ещё продолжалась, а третьи ушли в отступ, прихватив с собой какой-никакой домашний скраб и одежду и погрузив всё это на повозки. Уходить не всем хотелось, но и оставаться было нельзя.

Казак Константин Просцов, инвалидничавший с осени 1914 года и ставший благодаря своей маятниковой походке и громовому басу постоянной приметой швечиковских улиц, обошёл весь хутор и выяснил, что снялась со своих мест почти добрая его половина.

На вопрос, почему он сам не едет, отвечал просто:

- В этой войне, будь она неладна, я ни дня не участвовал.

- А на майдане «ура!» отряду Гусельщикова кричал? Кричал! Голосил, что пришли освободители от красного басурмана?

- Ну, конечно, как и все, явственно и поголовно. Что же теперь всем уезжать что ли?

- Всем не всем, а тебе можно и уехать.

- Не поеду. Должны же с нашими престарелыми гражданами и бабами всех возрастов хоть кто-то из здравых умом казаков оставаться. Меня не тронут. Призыву я не подлежу, да и ехать мне особо некуда. Я и здесь не особо нужен, а в чужих краях – тем более.

Жена Просцова, Варвара, скандальная и отличавшаяся не умом, а болтливостью казачка, опрометчиво попрекала мужа в том, что он без особой пользы ошивается в семейном хозяйстве, а она вынуждена работать за двоих.

Соседки, особенно вдовы, стыдили её.

- Ты возрадуйся, что хоть такой домой вернулся! Вон по хутору у кого похоронное письмо, кому подтверждение клятвенное дали, что погиб казак на чьих-то глазах, а к кому-то из немецкого плена до сих пор возвращаются.

И это было правдой. Одна война, сменившая другую, счастья никому из простых людей не приносила, только горе множила.

Перед вступлением красных войск

Кавалерийский строй в зимнее время.

словно вымер хутор Швечиков. Даже собаки, поджав хвосты, сидели тихо. Какая-нибудь собачонка твякнет несмело, а её, будто обрывая, громким утробным лаем накроет чёрный кобель отца Евлампия. Сам священник готовился к отъезду. Понимал же, что не простят ему приближающиеся из-за Донца власти благословения отправлявшихся на фронт боевых частей, особенно долгих проповедей, в которых он сравнивал наступление красных войск с нашествием иноверцев.

Хуторской священник отслужил обедню, понимая, что в храме, в котором пробыл настоятелем больше тридцати лет, он, может быть, служит в последний раз. При наступившем позднем зимнем рассвете Евлампий сходил к замерзшему Северскому Донцу и попрощался с рекой. Долго смотрел снизу вверх на колокольню церкви и вспоминал, как всё в его многолетнем подвижничестве начиналось. Как строили по кирпичику и по камешку храм всем хутором, как поднимали наверх колокола, и как они в первый раз разносили свой звон по прибрежным селениям. Высыпали тогда все до единого на улицы и радовались, что наконец-то появился совсем близко храм Божий и никуда не нужно ходить и ездить за много вёрст, чтобы помолиться Богу и попросить от него милостей в нелёгких хлеборобских трудах. Вспомнил батюшка, как родился сын Аристарх, продолжатель их семейного дела, который был в это время на фронте полковым священником в Донском Гундоровском георгиевском полку. Уж кому-кому, а ему вряд ли можно сейчас побывать в родном хуторе. Никак нельзя.

Новым властям оно, видно, ни к чему. Но вы же знаете, что и церковь сама на казачьи грошки строилась, и утварь на них так же приобреталась. Что-то, может, и по домам верующих разнесите и попрячьте до лучших времён.

Потом священник сделал паузу:

- Лишь бы они скорее наступили.

Просцов, гордый таким доверием значимого в хуторе человека, заверил его, что всё постарается сохранить, и помог отцу Евлампию собраться в дальний путь, а вот проводить его до выезда из хутора не смог – набегался на своей деревяшке с раннего утра и сил на проводы уже не хватило.

Целых два дня в хуторе никаких войск не было. Словно вернулось мирное время и можно было, не оглядываясь ни на кого, заниматься своими домашними делами. Но руки у оставшихся в хуторе, в основном пожилых казаков, ни к чему не прикладывались. Не тот был настрой.

Просцов и его соседи по несколько раз на дню выходили на пригорок у хутора и смотрели в сторону меловых гор выше по течению Северского Донца. Прислушивались, ожидая грома орудийной канонады. Но её всё не было. Отступление донской армии шло с обозной скоростью и почти таким же темпом занимались красными войсками станицы и хутора.

Сначала по центральной улице хутора Швечикова проскакал кавалерийский разъезд. После того как конники обследовали все улицы и проулки и убедились, что военных нигде нет, в хутор вступил передовой пехотный батальон красного полка.

Просторный дом хуторского лавочника Карапыша отвели сначала под штаб полка, занявшего хутор, а потом, когда он отправился продолжать наступление в сторону Новочеркасска, лучшее жилое здание занял хуторской совет во главе с вернувшимся в родные края первым красногвардейцем и членом Сорокинского рудничного совета Николаем Закутновым.

Плакат красных войск в период Гражданской войны.

Домашние иконы из своего куреня Евлампий вместе с матушкой Ольгой хорошо упаковал в сундук, бережно обмотав их холстиной. Из Свято-Серафимовской церкви ничего выносить не стал. Ктиторм швечиковского прихода незадолго до этих событий стал инвалид Константин Просцов. Евлампий позвал к себе церковного старосту и обратился к нему с тихой просьбой:

- Константин Никитич, вы уж присмотрите за всем, что на вас оставляю.